

«КЛЮЧЕВАЯ» РОЛЬ ФИНАНСОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

© 2018 **Лебедев Константин Николаевич**

доктор экономических наук, профессор Департамента экономической теории

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125468, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49

E-mail: KNLebedev@fa.ru

В настоящей статье доказывается, что в России финансовая система не играет ключевой роли в социально-экономическом развитии, так как нет данных о положительной зависимости социально-экономического развития от качественного и количественного развития финансовой системы, в то время как ситуация в финансовом секторе развивается под воздействием ситуации в реальном секторе российской экономики, а рычаги воздействия на реальный сектор финансовой политики слабы.

Ключевые слова: финансовый сектор, финансы, ключевая роль финансов, недейственность финансовых рычагов.

С некоторых пор в России в СМИ, учебной и научной литературе, документах государственной политики стала пропагандироваться идея о ключевой роли финансов в обеспечении стабильного социально-экономического развития страны. Так, в статье (Мовчан, 2015), посвященной неэффективности российской финансовой системы, все же не подвергается сомнению, что она играет ключевую роль в развитии экономики страны [1]. В материалах для студентов (studme.org, 2018) отмечается, что финансовая система играет ключевую роль в обеспечении сбалансированности и инновационного развития экономики [2]. В научной публикации Чохатарова (2016) утверждается, что финансы являются основой развития государства и общества, роста уровня и качества жизни населения, что их ключевая роль в развитии и росте национального богатства, человеческого капитала, ВВП и т.д. очевидна [3, с. 348]. Согласно документу (Правительство РФ, 2008), обеспечение ускоренного экономического развития страны может быть достигнуто посредством качественного повышения конкурентоспособности российского финансового рынка и формирования на его основе самостоятельного финансового центра [4]. Анализ литературы, например работы (Данилов, Абрамов, Буклемишев, 2017), показывает, что это произошло под влиянием проведенных на Западе статистических исследований, указавших на положительную зависимость экономического роста от уровня развития финансовой системы [5, с. 16]. И хотя в основной массе отече-

ственных работ демонстрируется сдержанность в оценке роли российских финансов в социально-экономическом развитии, например в статье (Игонина, 2016) [6], все же есть опасность следования государственной экономической политики в русле выводов из тезиса об их ключевой роли (необходимость первоочередного направления ресурсов на поддержку и на обеспечение финансового сектора, активного использования финансовых мер воздействия на экономику и их самостоятельного использования). Отсюда, критика взгляда, вынесенного в название статьи, является актуальной.

Не позволяет говорить о ключевой роли финансов в социально-экономическом развитии России, прежде всего, неочевидность положительного влияния на него, в частности на экономический рост, их качества. Анализ документов государственной политики в отношении финансового рынка (коммерческой части финансов) показывает, что, по крайней мере, до конца 2008 г. российский финансовый рынок был низкого качества. В документе (Правительство РФ, 2008), регламентирующем политику в отношении финансового рынка (без банковского и страхового секторов), отмечается, что нет правовых механизмов, предотвращающих инсайдерскую торговлю и манипулирование на финансовом рынке, не построена система пруденциального надзора за участниками рынка ценных бумаг, не сформирован массовый розничный инвестор, не развиты производные финансовые инструменты и т.д. [4], т.е. у российского финансового рын-

ка отсутствуют необходимые признаки его надлежащего качества. В документе (Правительство РФ, Центральный банк РФ, 2011), регламентирующим политику в отношении банковского сектора, говорится, что как раз основным содержанием нового этапа в развитии банковской сферы должно стать повышение качества банковской деятельности, состоящее в расширении состава банковских продуктов и услуг и совершенствовании способов их предоставления, обеспечении долгосрочной эффективности и устойчивости банковского бизнеса» [7]. Но в России при одинаково низком качестве финансового рынка наблюдался стабильный экономический как спад (1991–1998 гг.), так и рост (1999–2008 гг.), когда его среднегодовой темп в течение 10 лет подряд составлял 6,9% (от минус 5,3% в 1998 г. до 6,4, 10,0, 5,1, 4,7, 7,3, 7,3, 6,4, 8,2, 8,5, 5,2% в последующие 10 лет [8]). Отсюда, экономический рост не зависит от качества финансового рынка ни на краткосрочных, ни на долгосрочных временных интервалах.

О ключевой роли финансов в социально-экономическом развитии России не позволяет говорить соотношение динамики развития финансового сектора с экономическим ростом. Сопоставление ряда, характеризующего кредитование экономики (нефинансовых предприятий и физических лиц) в% к ВВП в период бурного экономического роста 1999–2008 гг. (на 1.01.1999–2007 гг.): 11,0 [9], 10,6 [10], 11,6, 35,3, 38,3, 42,3, 42,1, 45,1, 52,8 [11, с. 13] с рядом темпов экономического роста по годам говорит о том, что не рост кредитования экономики вызвал бурный экономический рост, а, наоборот, последний вызвал первый.

Утверждение, что финансы являются основой роста уровня и качества жизни, опровергается сравнением рассмотренного выше ряда данных на 01.01.2001–2007 гг. с соответствующим рядом показателей за эти годы коэффициентов фондов (отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых к среднему уровню доходов 10% самых бедных): 13,9, 14, 14,5, 15,2, 15,2, 15,9, 16,7 [12]. Развитие кредитования реального сектора в 2002–2006 гг., таким образом, сопровождалось ухудшением качества жизни основной массы населения, причем в 2007 г. коэффициент фондов достиг абсолютного максимума.

2014–2017 гг. стали периодом падения реальных располагаемых доходов российского населения, динамику которого характеризует ряд

(%): 0,7, 3,2, 5,8, 1,7% [13, с. 3]. Рассмотрим ряд, характеризующий кредитование экономики в% к ВВП на 1.01.2014–2017 гг.: 32,5, 40,9, 44,0, 40,9 [14]. Когда падение реальных доходов населения происходило растущими темпами (2014–2016 гг.), кредитование экономики развивалось, а резкое замедление падения реальных доходов в 2017 г. сопровождалось, наоборот, относительным сокращением ее кредитования.

Выше была показана зависимость происходящих в финансовой системе улучшений (рост кредитов реальному сектору в% к ВВП) от улучшений от улучшений в реальном секторе (экономический рост). О ключевой роли финансов в социально-экономическом развитии не позволяет говорить и зависимость происходящих в финансовой системе ухудшений, прежде всего, от ухудшений в реальном секторе, а затем уже от неумелых действий финансового регулятора, в которых всегда обвинялось руководство Банка России. Такие ухудшения предшествовали валютному кризису 1994 года, начавшемуся 11 октября («черный вторник»). Именно политика госрасходов, часть политики в области реального сектора, складывавшаяся под влиянием аграрного, оборонно-промышленного и топливно-энергетического лобби и приведшая к бюджетному дефициту в 10% от ВВП, стала причиной вала прямых кредитов Банка России на финансирование дефицита федерального бюджета, который считается одной из непосредственных причин кризиса, в частности инфляции, достигшей к декабрю 1994 г. 16,4% в месяц [15]. Кстати, не сам по себе, а под влиянием импортного лобби Банк России необоснованно завысил курс рубля, который и обвалился на 27% за «черный вторник» [16]. Признанием того, что в валютном кризисе 1994 года виноват далеко не Центральный банк, а Правительство РФ как мегарегулятор реального сектора, стал уход в отставку после «черного вторника» не только председателя российского центрбанка В.В. Геращенко, но и исполняющего обязанности министра финансов С.К. Дубинина [15], а также новое назначение В.В. Геращенко председателем Банка России после финансового кризиса 1998 года [11, с. 5].

Негативные изменения в реальном секторе предшествовали и финансовому кризису 1998 года, начавшемуся с дефолта по государственным краткосрочным обязательствам, объявленному 17 августа («черный четверг»), причем ключевую негативную роль опять сы-

грала политика госрасходов. Подтверждением тому является сказанное о причинах кризиса экс-министром финансов А. Нечаевым: «Популизм Госдумы, так или иначе находившейся под коммунистическим контролем, и недостаточная политическая решимость правительства этому популизму противостоять, в результате чего принимались абсолютно нереалистичные бюджеты. Потом для их финансирования начали выстраивать пирамиду ГКО (государственных краткосрочных облигаций), которая, как всякая пирамида, рухнула. Дальше были уже серьезные тактические ошибки: можно было эту пирамиду обрушить не так, чтобы все похоронить под обломками, а потихоньку разобрать. Безусловно, надо было раньше девальвировать рубль. Но всё это профессиональные тактические детали, а глобальная причина именно в том, о чём я сказал выше» [17]. Ясно, что кризис 1998 года, больно ударивший по реальному сектору российской экономики, сам стал следствием безответственной политики, проводимой государством в реальном секторе экономики. При этом в разрывывании целевого кредита МВФ на поддержание курса рубля и в спекуляциях на рынке ГКО, выступивших непосредственными причинами дефлота, самое активное участие принимали руководители именно реального сектора российской экономики [18]. Таким образом, ухудшения в финансовом секторе, передающиеся затем реальному сектору экономики, всегда были в значительной мере следствием ранее возникших негативных изменений в реальном секторе, вызванных, как правило, неадекватной политикой госрасходов.

Но эта политика становилась неадекватной, как правило, не сама по себе, а в результате конъюнктурного сокращения доходов государственного бюджета, прежде всего, из-за резкого падения мировой цены на нефть. Так, в преддверии кризиса 1998 года среднегодовая цена нефти Brent упала с 19,1 долл. США за баррель в 1997 г. до 12,7 долл. США в 1998 г. [19], или на одну треть $((19,1 - 12,7) / 19,1)$. Многие специалисты непосредственно связывают начало данного кризиса с падением цены на нефть, например авторы статьи (Фадеекина, Демчук, 2016): «Начало 1998 г. не предвещало ничего плохого. Уровень инфляции был достаточно умеренный, была проведена деноминация. Однако резкое снижение цен на нефть привело к оттоку капитала из страны. Кроме того, Правительство

РФ наконец-то осознало, что пирамида государственного долга слишком высока и опасна, а источников его погашения практически нет» [11, с. 8–9].

С ценой на нефть хорошо коррелируют все замедления, падения и взлеты российской экономики в ее новой истории. Падение 1991–1994 гг. с высокими (отрицательными) темпами (%% в год): 5,0, 14,5, 8,7, 12,7 [8], может быть объяснено падением среднегодовой цены на нефть в 1990–1994 гг. (долл. США за баррель): 23,7, 20,0, 19,3, 17,0, 15,8 [19]. Валютный кризис 1994 года, таким образом, в конечном итоге также выступил следствием падения цены на нефть. Уменьшение темпов падения и небольшой рост экономики в 1995–1997 гг. (%% в год): минус 4,1, минус 3,6, 1,4 [8], может быть объяснено восстановлением цены на нефть, которая составила (долл. США за баррель): 17,1, 20,5, 19,1 [19]. Весь стабильный и быстрый экономический рост 1999–2008 гг. может быть объяснен растущими ценами на нефть (долл. США за баррель): 17,7, 28,3, 24,4, 25,0, 28,9, 38,3, 54,4, 65,4, 72,7, 97,7 [19]. Рекордные приросты цены на нефть давали рекордные темпы роста экономики, например рост в 2000 г. до 28,3 долл. за баррель обусловил рост экономики на 10% [8]. Последующее падение экономики в 2009 г. минус 7,8% и восстановление роста в 2010–2012 гг. (%%): 4,5, 4,3, 3,7 [8], объясняется падением цены на нефть в 2009 г. до 61,9 долл. США за баррель и последующим ее ростом (долл. США за баррель): 79,6, 111,0, 121,4 [19]. Снижение темпов экономического роста в 2013–2014 гг. до 1,8 и 0,7% в год и падение экономики в 2015 г. на 2,8% [8] объясняются падением цены на нефть, составившей в эти годы 108,8, 98,9, 36,42 долл. США за баррель соответственно [19], а замедление темпов падения экономики в 2016 г. до минус 0,2% и небольшой рост в 2017 г., равный 1,5% [8], объясняются ростом цены на нефть, которая в 2016 г. составила 44,45 долл. США, а в 2017–54,98 долл. США [19].

При наличии такой корреляции только с дальнейшим ростом цены на нефть придается связывать надежды на стабильное социально-экономическое развитие страны. Что крайне печально, цифры показывают, что стабильные и высокие темпы экономического роста, как в 1999–2008 гг., достигаются в нашей стране только при постоянно растущих ценах на нефть. Таким образом, видно, что не национальная финансовая система играет ключевую

роль в обеспечении стабильного социально-экономического развития нашей страны и даже не реальный сектор ее экономики, а остальной мир в виде мировой цены на нефть.

Ситуация в финансовом секторе не только ухудшается в основном благодаря неадекватным действиям регулятора реального сектора экономики, а не финансового регулятора, но и выправляется в основном под воздействием первого, а не второго. Снизить темпы инфляции после «черного вторника» 1994 года помогла, прежде всего, договоренность Правительства РФ по ценовой политике с представителями металлургической, угольной, нефтедобывающей и пр. промышленности [20]. Стабилизировать ситуацию на российском валютном рынке в конце 2014 — начале 2015 года также позволили в основном действия регулятора реального сектора экономики. Резкое повышение Банком России ключевой ставки до 17% (в ночь на 16 декабря 2014 г. после обвала рубля), которому приписывают соответствующую стабилизацию, не привело к ожидавшемуся от него ослаблению падения рубля или к его укреплению [21]. Ее причиной стала директива Правительства РФ от 23 декабря 2014 г. о лимите валютных активов пяти госкомпаний-экспортеров, предписывающая обеспечить до 01.03.2015 г. приведение размера их чистых валютных активов к уровню не выше чем по состоянию на 01.10.2014 г. и в последующем поддерживать размер чистых валютных активов не выше указанного уровня, во исполнение которой данные госкомпании в ближайшие два месяца должны были продавать на валютном рынке около 1 млрд. долл. США в день! [22]. Эта мера показывает, что сам реальный сектор в лице этих же госкомпаний-экспортеров и сыграл ключевую роль в обвале рубля.

Ситуация в финансовой системе выправляется и большей мере под воздействием стихийных рыночных сил, чем действий финансового регулятора. Близкие к банковской системе аналитики, конечно же, объясняют рекордное снижение темпов инфляции в 2017 г. до 2,8% в год консервативной политикой монетарных властей [23]. Но согласно более широкому экспертному мнению, у этого события есть целый ряд других причин: снижение курса доллара, падение потребительских расходов россиян (достигшее в моменте 5-летнего минимума) и высокие урожаи последних двух лет [24]. По мнению же РАНХиГС, основными причинами замедления

роста цен в 2017 г. являются хороший урожай этого года, укрепление рубля (из-за роста цен на нефть и повышенного спроса на российские активы) и медленное восстановления спроса [25], а вовсе не действия Банка России.

Национальная финансовая система не играет ключевой роли в социально-экономическом развитии РФ в силу слабости рычагов ее воздействия реальный сектор. Эти рычаги делятся на рычаги макро- и микроэкономической финансовой политики государства. Рычаги макроэкономической финансовой политики, действующие на реальный сектор в целом, делятся на рычаги фискальной и денежно-кредитной политики государства, которые подробно описываются в учебниках по макроэкономике. К рычагам фискальной политики относятся манипулирование госрасходами и налогами, влияющее на экономику через изменения совокупного спроса. Согласно теории, увеличение госрасходов и снижение налогов, в случае, когда экономика находится в состоянии глубокого спада, приводит к кратным изменениям реального ВВП и занятости (мультипликационному эффекту). Чем ближе экономика находится к уровню полного использования ресурсов, тем больше эти изменения становятся номинальными, например эти меры в экономике полной занятости приводят исключительно к росту уровня цен, тогда как реальный ВВП и уровень занятости не меняются. Соответствующая зависимость, как утверждает теория, действует и в обратном направлении, что позволяет использовать манипулирование госрасходами и налогами в качестве инструмента макроэкономической стабилизации. В учебниках рассматриваются факторы, ослабляющие результативность фискальной политики, например эффект вытеснения государственным расходами, финансируемыми за счет внутренних заимствований, частных расходов, возникающий по причине роста ставки процента в результате увеличения спроса государства на рынке денег, запаздывание мер фискальной политики в результате их проведения через парламент, вследствие чего таковые, направленные, например, на стимулирование экономики в период спада, могут прийти на период, когда экономика уже выходит и даже вышла из него, в связи с чем в результате осуществления этих мер произойдет лишь раскручивание инфляции. Вместе с тем, существование соответствующего трансмиссионного механизма сомнению не

подвергается. В частности, утверждается, что «автоматическая» фискальная политика, когда изменения госрасходов и взимаемых налогов не зависят от парламента (опережающие изменения объемов выплачиваемых пособий по безработице и удерживаемого подоходного налога, взимаемого по прогрессивной шкале, по сравнению с изменениями ВВП при экономическом спаде или буме), на 1/3 сокращают размах циклических колебаний современной экономики. Следует отметить, что в учебниках по макроэкономике, особенно в переводных западных, рассматривается и «альтернативная» фискальная политика, состоящая в воздействии на экономику через изменение совокупного предложения посредством изменения некоторых налогов: снижения подоходного налога с физических лиц, что стимулирует предложение труда и занятие бизнесом, отмены налогов на процентные доходы и дивиденды, что стимулирует предложение капитала, снижения налога на прибыль организаций, что увеличивает собственные источники финансирования инвестиций и повышает эффективность инвестиционных проектов.

К сожалению, рычаги фискальной политики оказывают влияние на экономику только в учебниках. По этой причине она российским государством не используется. В документах, регламентирующих финансовую политику российского государства, в том числе принятых в периоды кризисов, речи не идет о воздействии на экономику в целом путем изменения госрасходов или налогов (а тем более о какой-то связанной с этим воздействием мультипликации). Влияние их изменений на экономику рассматривается исключительно через их влияние на отдельные сферы жизни общества в рамках соответствующих направлений микроэкономической политики (социальной, инновационной, инвестиционной и т.д.). В главном документе стратегического планирования РФ (Правительство РФ, 2008–2) даже перепутали стимулирующее микроэкономическое влияние изменений налогов с их стимулирующим макроэкономическим влиянием, так как в качестве направления макроэкономической политики в нем рассматривается воздействие налогами на создание новых производств, развитие бизнеса с высокой добавленной стоимостью, развитие малого предпринимательства, прежде всего в высокотехнологичных секторах, обновление и техническое перевооружение ос-

новных фондов в экономике, финансирование со стороны работодателей образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения своих сотрудников и т.д. [26].

Российское государство фактически признало недейственность автоматической фискальной политики, отказавшись с 2001 г. от прогрессивного налогообложения доходов физических лиц и перейдя к плоской шкале в 13% [27]. Что касается пособий по безработице, то этот инструмент автоматической фискальной политики фактически никогда в России и не запускался. Для его запуска необходимо обеспечить значимость объема выплачиваемых пособий для экономики. В РФ на получение соответствующего пособия могут претендовать лишь официально зарегистрированные безработные, количество которых по ряду причин всегда было в несколько раз меньше, чем число безработных, подсчитанное по методологии Международной организации труда (МОТ). В России в декабре 2017 г. число безработных по МОТ составило 3876 тыс. чел., тогда как число зарегистрированных в учреждениях службы занятости в качестве безработных — всего лишь 776 тыс. чел. [28]. В настоящее время размер пособия по безработице, кстати, находящийся на уровне кризисного 2009 г., составляет от 850 до 4900 руб. [29], т.е. является абсолютно мизерным. В этих условиях влияние пособий по безработице на экономику не может быть значимым. При среднем размере выплачиваемого пособия относительно его минимального и максимального размера, равном 2875 руб. $((850+4900)/2)$, и среднегодовой численности безработных, равной тем же 776 тыс. чел., объем выплаченных за год пособий составил 2,2 млрд. руб. $(2875*776000)$. ВВП же в 2017 г. в России составил 92037 млрд. руб. [8]. Даже весь объем пособий по безработице, а не его изменение, составил лишь 0,002% $(2,2/92037*100)$ от ВВП! Неиспользование данного элемента автоматической фискальной политики говорит о неверии государства в его действенность.

Российское государство не использует и альтернативную фискальную политику, так как предусматриваемые ею изменения налогов предпринимались редко, безотносительно к макроэкономической ситуации, исходя из микроэкономических соображений и не носили временного характера. Так, 2000–2001 гг., когда была ликвидирована прогрессивная шкала НДФЛ и осуществлено значительное снижение

ставки налога на прибыль организаций (с 35 до 24%), были 3-м и 4-м годами десятилетнего периода стабильного и быстрого экономического роста 1999–2008 гг. Пожалуй, лишь снижение ставки налога на прибыль с 24 до 20%, решение о котором было принято в конце 2008 г., может рассматриваться как антикризисная мера альтернативной фискальной политики [30], хотя после выхода российской экономики из кризиса, состоявшегося в 2011 г., это налоговое послабление не было отменено. Такое отношение российского государства к альтернативной фискальной политике вполне объясняется ее результативностью. Отмена прогрессивной шкалы НДФЛ в 2000 г. сопровождалась почти 2-кратным падением темпа роста ВВП в следующем году — с 10,0% в 2000 г. до 5,1% в 2001 г., а существенное уменьшение ставки налога на прибыль с 2002 г. — дальнейшим падением темпа экономического роста, который в 2002 г. составил 4,7% [8].

Демонстрируют свою недейственность рычаги не только фискальной, но и денежно-кредитной макроэкономической политики, которую, в отличие от фискальной, российское государство осуществляет. Главным рычагом ее воздействия на экономику считается изменение ставки банковских кредитов. Согласно теории, ее рост через сокращение инвестиционных и потребительских расходов, финансируемых за счет банковских кредитов, негативно влияет на реальный ВВП, и, следовательно, сокращает темпы его роста, а ее снижение через увеличение этих расходов позитивно влияет на реальный ВВП, и, следовательно, увеличивает темпы его роста. Однако, как выясняется, уровень процента по кредитам не является сколь-нибудь значимым фактором экономического роста. Руководство Банка России постоянно критикуется за свою процентную политику, якобы удушающую экономический рост, так как она обуславливает дороговизну кредитов для экономики [31]. Но его удушает что-то другое, поскольку реальная ставка процента в стране находится на весьма низком уровне, например в 2013 г. она была на уровне 2,7% годовых, в 2014–3,3, а в 2015 — вообще 0,2 [32, с. 33]. Заметим, что почти при нулевой ставке процента в 2015 г. экономика России продемонстрировала отрицательный рост минус 2,8% [9]. И эконометрические исследования показали, что изменение реальной ставки процента в России не оказывало значимого влияния

на динамику реального ВВП и его составляющих [32, с. 39]. Как выясняется, в мире имело место немало случаев, когда длительный и бурный экономический рост происходил при высоких реальных ставках по кредитам. Так, в Турции в 2002–2007 гг. происходил экономический рост со среднегодовым темпом 6,8% при реальной ставке 11,1%, Чили в 1984–2013 гг. — 5,6 при ставке 8, Индии в 1984–2013 гг. — 6 при ставке 5,4, а в Бразилии в 2000–2008 гг. экономический рост происходил, правда, со среднегодовым темпом только 3,7%, но при реальной ставке вообще 43,1%! [32, с. 33]. Независимость экономического роста в России от ставки по банковским кредитам, которая не является секретом для Банка России, как раз и объясняет его нежелание брать на себя «двойной мандат», т.е. кроме инфляции, отвечать еще и за экономический рост. Известно, что только во 2-м полугодии 2016 г. не удалось провести соответствующие поправки к Закону о Банке России, которые предложили вначале члены Совета Федерации [33], а затем депутаты Орловской области [34].

Объяснить независимость экономического роста в России от ставки по кредитам позволяет кейнсианская экономическая теория, утверждающая, что главным фактором инвестиций, с которыми связан экономический рост, является не ставка процента, а ожидаемая доходность инвестиционных проектов. Но лучшее объяснение отыскивается в ходе анализа структуры источников финансирования инвестиций в основной капитал. По данным за 2017 г. доля собственных средств организаций (прибыли, амортизации) составила 52,1%. Из оставшихся 47,9% кредиты банков составили 10,9 (в том числе иностранных — 5,4), заемные средства других организаций — 5,1, инвестиции из-за рубежа — 0,7, бюджетные средства — 16,5, средства организаций и населения на долевого строительство — 2,7 и прочие (средства вышестоящих организаций — подавляющая часть, средства от выпуска корпоративных облигаций и эмиссии акций (около 1%)) — 12,0% [35]. Таким образом, кредиты российских банков, проценты по которым контролирует Банк России, составляют всего 5,5% (10,9–5,4) в источниках финансирования экономического роста, т.е. 94,5% экономического роста Банку России неподконтрольно. Приведенные выше данные также показывают, что национальной финансовой системе подконтрольно лишь 17,5% (5,5+12,0) экономического

роста (бюджетные средства отражают политику в области реального сектора), а мировой финансовой системе, включая нашу — 23,6% (10,9+0,7+12,0).

Другим рычагом воздействия денежно-кредитной политики на экономику считаются темпы инфляции, влияющие, в частности, на экономический рост через формирование долгосрочных ориентиров для бизнеса. Необходимость их формирования даже рассматривалась в качестве главной причины замены стратегии валютного таргетирования Банка России стратегией таргетирования инфляции, что произошло с начала 2015 г. [36]. Инфляция, как было показано выше, в значительной мере разворачивается и затухает под воздействием нефинансовых процессов, При этом ее влияние на экономический рост неоднозначно. Имея следующий ряд данных о темпах инфляции в 1999–2014 гг. (%): 36,6, 20,1, 18,8, 15,06, 11,99, 11,74, 10,91, 9, 11,87, 13,28, 8,8, 8,78, 6,10, 6,58, 6,45, 11,36 [37], можно установить, что одинаковые темпы роста экономики, а именно 6,4% в 1999 и 2005 гг. [8], наблюдались при более чем в три раза различавшихся темпах инфляции — 36,6 и 10,91%, а приблизительно одинаковым темпам инфляции 11,99% в 2003 г. и 11,36 — в 2014 соответствовали на порядок различающиеся темпы экономического роста — 7,4 и 0,7% [8].

Еще одним рычагов воздействия денежно-кредитной политики на экономику считается валютный курс. Согласно теории, ослабление национальной валюты приводит к росту чистого экспорта (экспорт минус импорт), так как при снижении курса национальной валюты экспорт, становясь более выгодным, растет, а импорт, становясь менее выгодным, падает (поскольку рублевый эквивалент валютной стоимости экспортируемого или импортируемого товара увеличивается), что положительно влияет на реальный ВВП, а усиление же национальной валюты, наоборот, приводит к снижению чистого экспорта по противоположным причинам, что негативно влияет на реальный ВВП. Отсюда, снижение курса национальной валюты приводит к увеличению темпов роста ВВП, а повышение — к их снижению. Валютный курс, как было показано выше, как и уровень цен в стране, в значительной мере формируется под воздействием нефинансовых процессов, и его влияние на экономический рост также неоднозначно. Дело в том, что

изменения валютного курса оказывают влияние не только на чистый экспорт, но и на другие слагаемые ВВП (потребление, государственные расходы, инвестиции), что и обуславливает эту неоднозначность, или недейственность данного рычага, которая, очевидно и выступила главной причиной отказа Банка России от его использования, которым стал переход к режиму плавающего валютного курса.

Недейственность рычагов макрофинансовой политики дополняется недейственностью рычагов микрофинансовой политики. Достаточно посмотреть на успехи государственной инновационной политики, считающейся ключевой в достижении целей социально-экономического развития РФ, поставленных в документе (Правительство РФ, 2008–2) [26]. По госпрограмме «Экономическое развитие и инновационная экономика», принятой в 2013 г., Фонду содействия инновациям было выделено 5 млрд. руб. на поддержку малых инновационных предприятий, им было поддержано 619 таких предприятий, по госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», принятой в 2014 г., осуществляется субсидирование процентных ставок по инвестиционным кредитам и затрат на НИОКР [38, с. 24–26]. Но никакого перехода на инновационный тип развития не происходит. Доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве промышленных предприятий с 2010 по 2015 г. практически не изменилась (9,3% в 2010 г., 9,5% в 2015), оставаясь на уровне базисного 2009 г., а в 2016 г. даже упала до 7,7% [39], тогда как документ (Правительство РФ, 2011) предусматривал рост этого показателя с 9,4% в 2009 г. до 20 в 2016 (и 40 в 2020) [40]. Отсюда, инновационное развитие в РФ в значительно большей степени зависит от других причин, чем от возможности получения налоговых льгот и субсидий.

Таким образом, отсутствие видимой зависимости социально-экономического развития от качественного и количественного развития национальных финансов, зависимость состояния последних от ситуации в реальном секторе, недейственность финансовых рычагов воздействия на него не позволяют говорить о ключевой роли российской финансовой системы в обеспечении стабильного социально-экономического развития страны.

Библиографический список

1. Мовчан А. Ненужные банки: почему финансовый сектор России раздут / Forbes. 03.04.2015 // <http://www.forbes.ru/finansy/regulirovanie/284797-nenuzhnye-banki-pochemu-finansovyi-sektor-rossii-razdut>
2. Бюджетная система Российской Федерации [Электронный ресурс] / URL: https://studme.org/1821100111227/finansy/osnovy_organizatsii_byudzhetyh_otnosheniya.
3. Чохатарова О.П. Роль и значение финансов в экономике // ACTUALSCIENCE. 2016. Том 2. № 11. С. 348–349.
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2008 г. № 2043-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года» / СПС КонсультантПлюс.
5. Данилов Ю.А., Абрамов А.Е., Буклемишев О.В. Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. Москва.: Центр стратегических разработок, 2017. 102 с.
6. Игонина Л.Л. Финансовое развитие и экономический рост // Вестник Финансового университета. 2016. № 1. С. 111–120.
7. Заявление Правительства РФ и ЦБ РФ от 5 апреля 2011 г. №№ 1472п-П13, 01–001/1280 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» / ЭПС «Система Гарант».
8. ВВП России по годам: 1991–2018 [Электронный ресурс] / URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>.
9. Банковская система России в условиях становления рынка [Электронный ресурс] / URL: <https://studfiles.net/preview/845814/page/6/>.
10. Активы банков достигли половины ВВП [Электронный ресурс] / URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=280256>.
11. Фадейкина Н.В., Демчук И.Н. Эволюция денежно-кредитной политики Банка России и политики в области развития отечественного банковского сектора: 1992–2016 годы // Банки и денежно-кредитные отношения. 2016. № 2. С. 3–19.
12. Корякина Е.А. Влияние экономической ситуации на социальную стратификацию в российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. Вып. 12. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-12-2015/>.
13. Григорьев Л., Голяшев А. и др. Динамика доходов населения / Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2018. Вып. № 34, февраль. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 18 с.
14. Васильев В.Л., Гадршина Л.И., Гуниятуллина С.Л. Динамика развития банковского сектора Российской Федерации за 2011–2017 гг. // 31.12.2017. № 10. [Электронный ресурс] / URL: <http://novaum.ru/public/p481>.
15. Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России [Электронный ресурс] / URL: <https://public.wikireading.ru/56962>.
16. История падения рубля [Электронный ресурс] / URL: <https://www.dni.ru/economy/2014/12/17/289501.html>.
17. Николаев И. Сравнение кризисов 1998, 2008 и 2014 годов [Электронный ресурс] / URL: <http://www.cotinvestor.ru/obuchajushhie-materialy/jekonomicheskie-krizisy/sravnienie-krizisov-1998-2008-i-2014-godov/>.
18. Кто конкретно из чиновников ответил за кризис с облигациями ГКО в 1998 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://otvet.mail.ru/question/191414465>.
19. Цена на нефть по годам / Курсы валют kurs-dollar-euro.ru/ [Электронный ресурс] / URL: <http://kurs-dollar-euro.ru/cena-neft-po-godam.html>.
20. Черный вторник. Обвальное падение рубля по отношению к доллару 11 октября 1994 года [Электронный ресурс] / URL: <http://fb.ru/article/236211/chernyy-vtornik-obvalnoe-padenie-rublya-po-otnosheniyu-k-dollaru-oktyabrya-goda>.
21. В чем причины падения курса рубля в декабре 2014 года? [Электронный ресурс] / URL: http://finansplay.com/article/v_chem_prichiny_padeniya_kursa_rublya_v_dekatre_2014_goda.html.
22. Правительство опубликовало директиву о лимите валюты [Электронный ресурс] / URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/51276>.
23. Инфляция продолжит снижение до конца 2017 года / ИА Regnum. <https://regnum.ru/news/2350632.html>.
24. Стоп! Замедление инфляции грозит России катастрофой [Электронный ресурс] / URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/18/inflation/>.
25. Инфляция в России на историческом минимуме: хорошо это или плохо? [Электронный ресурс] / URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42514091>.
26. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» / СПС КонсультантПлюс.

27. Что такое прогрессивная шкала налогообложения в России и в чем ее опасность? [Электронный ресурс] / URL: <http://capitalgains.ru/obrazovanie/nalogi/progressivnaya-shkala-nalogooblozheniya.html>
28. Росстат: уровень безработицы в РФ в 2017 году — 5,1 [Электронный ресурс] / URL: <https://nangs.org/news/economics/rosstat-uroven-bezrobotitsy-v-rf-v-2017-godu-5-1>.
29. Размер пособия по безработице: минимальный, максимальный, порядок выплаты [Электронный ресурс] / URL: <http://juresovet.ru/razmer-posobiya-po-bezrobotice-minimalnyj-maksimalnyj-poryadok-vyplaty/>.
30. Налог на прибыль: эффект от снижения [Электронный ресурс] / URL: <https://www.audit-it.ru/articles/account/tax/a35/190375.html>.
31. *Алексащенко С.* Рост экономики, санация банкротов, пенсионные накопления. О чем молчит Центробанк? [Электронный ресурс] / URL: <https://republic.ru/posts/91139>.
32. *Дробышевский С.М., Трунин В.П., Божечкова А.В., Синельникова-Мурылева Е.В.* Влияние ставок процента на экономический рост // Деньги и кредит. 2016. № 9. С. 29–40.
33. ЦБ попросили ответить за экономический рост [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dengi43.ru/banks/kirov/---00161/>.
34. Центробанк за экономический рост и безработицу не в ответе [Электронный ресурс] / URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=9451316>
35. Инвестиции в основной капитала по источникам финансирования / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#.
36. *Шохина Е.* Ориентир в будущее // Эксперт Online. 27.09.2012. URL: <http://expert.ru/2012/09/27/orientir-v-budushee/>.
37. Уровень инфляции в Российской Федерации [Электронный ресурс] / <http://уровень-инфляции.рф>
38. Национальный доклад об инновациях в России 2016 / Под рук. Е.Б. Кузнецова.— М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, Открытое правительство, РБК, 2016. 104 с.
39. Доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций [Электронный ресурс] / Росстат. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/pril4/11.xls
40. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р] ЭПС «Система Гарант».

Поступила в редакцию 30.06.2018 г.